

УДК 801.3(063)

Е.Л. Кузнецова**К ВОПРОСУ О МОТИВАЦИИ НАЗВАНИЙ ТРАВЯНИСТЫХ
ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ**

В данной работе анализируется в сравнительном аспекте характер мотивации ряда латинских номенклатурных, русских диалектных и литературных названий травянистых лекарственных растений. Для анализа отобраны фитонимы, заключающие в себе указание на морфологический признак растений (с точки зрения ботанической номенклатуры): особенности строения, внешний вид; свойства – цвет, вкус, запах и т. п.

Названия растений могут указывать на самые разнообразные признаки этих растений. Интерес представляют фитонимы, отражающие один из таких признаков – морфологический. Цель данной статьи – рассмотрение мотивации подобных наименований, задача – определение их этимологии. Латинские и русские номенклатурные названия приводятся по энциклопедии «Лекарственные растения» [6]. В качестве теоретических источников были использованы «Русская грамматика» и «Языкознание. Большой энциклопедический словарь» [9; 15].

Латинские номенклатурные названия

Морфологический признак растений (особенности строения, внешний вид) может быть заключен и в родовом, и в видовом названиях. Например, родовое наименование *Antennaria* (*Antennaria dioica*, *кошачьи лапки двудомные*) происходит от латинского существительного *antenna* = *antenna*, первоначально означавшего ‘рей, райна’ [4, с. 62], а позднее приобретшего значение ‘усик насекомого’: такое название дано растению по виду волосков чашечки мужских цветков [13, с. 376]. Видовое название *dioica*, представляющее собой прилагательное, согласованное с родовым наименованием (*dioicus*, *a, um* ‘двудомный’ [5, с. 157]), образовано при помощи приставки *di-* (от греческого *diōs* ‘дважды’) и латинизированной основы греческого существительного *oikos* ‘дом’ [3, I, с. 413; II, с. 1157]: оно дано виду из-за женских (пестичных) и мужских (тычиночных) цветков, развивающихся на разных экземплярах растения [13, с. 376]. Другое родовое наименование, *Echinops* (*Echinops sphaerocephalus*, *мордовник шароголовый*), происходит от латинизированных основ греческих лексем *echinos* ‘еж’ и *opsis* ‘внешний вид, внешность, наружность’ [3, I, с. 726; II, с. 1214]: данное название указывает на шаровидное и колючее соплодие, напоминающее ежа [13, с. 475]. Видовой эпитет *sphaerocephalus* (*sphaerocephalus*, *a, um* ‘шароголовый’ [5, с. 796] – от латинизированных основ греческих слов *sphaira* ‘шар, шарообразное тело’ и *kephale* ‘голова’ [3, I, с. 939; II, с. 1589]) объясняется шаровидной формой соцветия [13, с. 475].

Некоторые наименования отличаются тем, что в них родовое и видовое названия заключают в себе разновидности морфологического признака. Например, родовое наименование указывает на особенности строения, а видовой эпитет – на различные свойства. Так, название рода *Astragalus* (*Astragalus glycyphyllos*, *астрагал сладколистный*) происходит от греческого существительного *astragalos* ‘позвонок’ [3, I, с. 252]: наименование дано растению из-за характерной для многих его видов узловатости стеблей [13, с. 50]. Видовое определение *glycyphyllos* (от латинизированных основ греческих слов *glykys* ‘сладкий’ и *phyllos* ‘лист’ [3, I, с. 326; II, с. 1752]) характеризует химический состав надземной части растения, которая содержит углеводы и родственные соединения [6, с. 74]. Родовое наименование *Geranium* (*Geranium sanguineum*, *герань кроваво-*

красная) восходит к греческому наименованию *gera-nion*, которое в свою очередь является производным от существительного *ge-ranos* ‘журавль’: название дано по сходству плода растения с клювом журавля [12, I, с. 185–186; 16, I, с. 216]. Видовое название *sanguineum* (*sanguineus*, *a, um* ‘крово-красный’ [4, с. 684]) дано растению за роскошную осеннюю окраску его листьев и стеблей [13, с. 146]. Иногда родовое наименование указывает на различные свойства, а видовой эпитет – на особенности строения. Так, наименование рода *Alliaria* (*Alliaria petiolata*, син. *Alliaria officinalis*, *чесночница лекарственная*) является производным от латинского существительного *allium* = *alium* ‘чеснок’ [4, с. 47, 48]: название объясняется характерным чесночным запахом этого растения [13, с. 691]. Видовое название *petiolata* (*petiolatus*, *a, um* ‘черешчатый’ – от *petiolus* ‘черешок’ [8, с. 178]) характеризует верхние короткочерешковые листья растения [6, с. 803]. Название рода *Chimaphila* (*Chimaphila umbellata*, *зимолюбка зонтичная*) происходит от латинизированных основ греческих слов *chei-ma* ‘зима’ и *phile-o* ‘любить’ [3, II, с. 1768, 1726]: такой фитоним своего рода намек на то, что зимолюбка – вечнозеленое растение [13, с. 245]. Видовой эпитет *umbellata* (*umbellatus*, *a, um* ‘зонтичный’ – от *umbella* ‘зонтик’ [8, с. 195]) объясняется тем, что цветки растения собраны в зонтиковидную кисть [13, с. 245].

В ряде случаев родовое наименование указывает на морфологический признак растения, а видовой эпитет – на какой-либо другой (либо представляет собой общую характеристику растения – *vulgāris*, *e* ‘обыкновенный’ [4, с. 834]). Например, родовое наименование *Aster* (*Aster alpinus*, *астра альпийская*) происходит от греческого *aste-r* ‘звезда’ [3, I, с. 251]: соцветия астры (корзинки) напоминают многолучевую звезду [13, с. 48]. Еще одно родовое название, *Oligosporus* (*Oligosporus campestris*, син. *Artemisia campestris*, *полынь полевая*), составлено из латинизированных основ греческих слов *oligos* ‘небольшой, малый, немногий’ и *spo-ros* ‘сеяние, семя, плод’ [3, II, с. 1165, 1496]: у данного вида полыни краевые цветки женские, плодородные, срединные – двуполые, бесплодные [6, с. 632]. Наименование рода *Ptarmica* (*Ptarmica vulgāris*, син. *Achillea ptarmica*, *тысячелистник птармика*, *чихотная трава*) – заимствование греческого фитонима *ptarmike*, который происходит от прилагательного *ptarmiko-s*, *e*, *o-n* ‘возбуждающий чихание’ [16, III, с. 946]: сушеные листья этого вида тысячелистника используются для приготовления чихательного порошка [2, с. 711]. Встречаются наименования, в которых родовое название указывает на два признака (морфологический и какой-либо еще). Например, родовое наименование *Adonis* (*Adonis vernālis*, син. *Adonanthē vernālis*, *горицвет весенний*) происходит от греческого *A-donis* [3, I, с. 37] – имени бога растительности и плодородия [1, с. 23]: растение не только отличается красивым внешним видом, но и символизирует наступление весны [13, с. 17]. В данном случае название совмещает морфологический и темпоральный (т.е. время зацветания) признаки.

Русские диалектные названия

В основе многих однословных названий, заключающих в себе морфологический признак растений (особенности строения, внешний вид), лежит сравнение с объектами окружающего мира, в том числе с какими-либо анатомическими структурами живых существ, а также с другими растениями или с их частями. Например, название *копы-тник* (для *Alchemilla xanthochlōra*, син. *Alchemilla vulgāris*, *манжетка обыкновенная*) [10, XIV, с. 304–305] характеризуют очень примечательные листья растения: крупные, лопастные, сложенные воронкой, с рельефными линиями жилок, усеянные по краям мелкими зубчиками [13, с. 269]. Наименование *ла-пка* (для *Antennaria dioica*) [10, XVI, с. 263] можно сравнить с русским родовым наименованием *кошачьи лапки*: оно дано растению, по всей вероятности, за мягкие, пушистые соцветия [13, с. 376]. Другое наименование этого растения – *бара-шки* [10, II, с. 110] – характеризует эту же особенность строения его соцветий, но в основе данного фитонима лежит сравнение с шерстью барана. Многие растения

получают названия по причине сходства их частей с предметами материальной культуры, с какими-либо кушаньями: ко^олокол, колоко^л, колокольцы, колоко^льчики (для *Aquilegia vulgāris*, водосбор обыкновенный) [10, XIV, с. 164, 165, 167] – из-за сравнения цветков по форме с колоколом; ка^ишка (для *Achillēa*, тысячелистник) [10, XIII, с. 151] – фитоним включает в себе характеристику особенности строения цветков растений, которые собраны в корзинки, образующие щитковидное соцветие [6, с. 755–762]. Согласно В.А. Меркуловой, кашкой называют те растения или их части, которые при перетирании в руках образуют некое подобие крупы [7, с. 90]. Встречаются фитонимы, возникшие как результат сравнения частей растений с частями других растений: морко^вник (для *Achillēa millefolium*, тысячелистник обыкновенный) [10, XVIII, с. 265] – по причине подобия листьев и соцветий тысячелистника обыкновенного соответствующим органам моркови [6, с. 508, 509, 756]; зверобо^й (для *Gentiāna pneumonanthe*, син. *Dasystephāna pneumonanthe*, *Pneumonanthe vulgāris*, горечавка легочная) [10, XI, с. 216] – из-за сходства листьев горечавки и зверобоя [6, с. 199, 284–285]. В некоторых случаях с целью выделения каких-то особенностей строения, характеризующих отдельные органы растений, возникают номинации, представляющие собой наименования этих органов или являющиеся производными от этих наименований: листву^шка (для *Alchemilla*, манжетка), листу^га, листу^ха (для *Alchemilla xanthochlōra*) [10, XVII, с. 64–65, 69] – в этих названиях, производных от лексемы *лист*, акцент делается на необычной форме листьев манжетки и, кроме того, форманты в фитонимах *листу^га* и *листу^ха* содержат указание на большой размер листьев; ство^л (для *Angelīca*, дудник), ство^лньник (для *Angelīca sylvestris*, дудник лесной) [10, XLI, с. 101, 102] – такие названия, связанные с диалектной лексемой *ствол* в значении ‘стебель’ [10, XLI, с. 101], появились из-за наличия у растений дудчатых стеблей. Иногда для отображения некоторых характерных признаков растений создаются фитонимы, представляющие собой дериваты названий природных явлений: ро^сенка, рося^нка (для *Alchemilla xanthochlōra*): в складках листьев этого растения, сложенных воронкой, собираются крупные капли влаги [10, XXXV, с. 183, 202]. Многие необычные названия являются дериватами глаголов и прилагательных: поползу^ха (для *Alchemilla xanthochlōra*) [10, XXIX, с. 331] – наименование содержит в себе характеристику стелющегося, разветвленного стебля растения [6, с. 473]; мохна^тик (для *Adōnis vernālis*) [10, XVIII, с. 309] – название характеризует внешний вид листьев горичвета, которые кажутся густыми, мохнатыми [6, с. 200]. Ряд фитонимов – это суффиксально-сложные существительные, составные компоненты которых дают четкое представление, о какой конкретно особенности строения растения идет речь. Например, такие наименования могут иметь опорную основу существительного, называющего структуру растения, а первую основу числительного, характеризующего эту структуру: сорокали^стник и как вариант – стоты^сячник (для *Achillēa*), пятидесятили^стка, столи^стник (для *Achillēa millefolium*) [10, XXXIII, с. 221–222, XL, с. 22, XLI, с. 216, 253] – названия характеризуют листья растения (ср. с латинским видовым названием *millefolium* и русским родовым наименованием *тысячелистник*, которые даны растению за сильную рассеченность листьев [13, с. 657]). В числе двухсловных названий имеются состоящие из существительного *трава* (указывает на принадлежность растений к травянистым) и прилагательного, характеризующего ту или иную внешнюю особенность растения: колю^чая трава (для *Echīnops sphaerocephālus*) [10, XIV, с. 219] – эпитет указывает на наличие у растения листьев с преимущественно заостренными долями, заканчивающимися шипами [6, с. 507]. В ряде двухсловных названий, появившихся в результате сравнения органов растений с какими-либо органами или структурами животных, прилагательные являются дериватами названий этих животных и имеют конкретизирующую функцию: гуси^ная лапа (лапка), гуси^ные лапки, свины^е языки (для *Alchemilla xanthochlōra*) [10, VII, с. 244, XXXVI, с. 285] – фитонимы появились по причине

того, что лист манжетки по своей форме может напоминать соответственно лапку гуся или даже язык свиньи. Иногда в такого типа наименованиях прилагательное характеризует ту же особенность внешнего вида растения, которая заключена в существительном: *мохнатые барабики* (для *Antennaria dioica*) [10, II, с. 110] – оба слова в названии отражают сравнение пушистых соцветий растения с шерстью барана.

Многие однословные фитонимы, заключающие в себе какие-либо свойства растений, являются аффиксальными производными от прилагательных, обозначающих свойство, или суффиксально-сложными производными, в которых опорная основа существительного, называющего часть растения, а первая основа прилагательного, указывающего на свойство этой части: *белоголовка*, *белоцветка*, *белюшка*, *подбела* (для *Achillēa millefolium*) [10, II, с. 218, 226, 227, XXVII, с. 335] – названия свидетельствуют о белой окраске краевых цветков растений [6, с. 756]. В ряде случаев названия являются производными от глаголов: *кыхавник* (для *Ptarmica vulgāris*) [10, XVI, с. 207] – наименование, которое можно связать с диалектным глаголом *кыхать* ‘кашлять’ [10, XVI, с. 207], отражает такое особое свойство растения, как способность вызывать чихание (ср. с латинским родовым названием *Ptarmica*). Двухсловные названия могут состоять из существительного *травы* и прилагательного, характеризующего какое-либо свойство растения: *пахучая трава* (для *Achillēa millefolium*) [10, XXV, с. 298] – эпитет указывает на оригинальный запах травы тысячелистника [13, с. 657].

Встречаются однословные названия, совмещающие в себе разновидности морфологического признака. Например, такие фитонимы могут представлять собой суффиксально-сложные существительные, в которых опорная основа существительного, обозначающего часть растения и указывающего на особенность ее строения, а первая основа прилагательного, характеризующего свойство этой части: *синеголовник* (для *Echinops sphaerocephalus*) [10, XXXVII, с. 323] – цветы растения голубовато-белые, с темно-голубыми пыльниками, в одноцветковых корзинках, образующих шаровидные головки [6, с. 507]. В некоторых сложных наименованиях опорный компонент, равный самостоятельному слову, указывает на свойство растения, а первый компонент – на особенность строения: *кашикабелоголовник* (для *Achillēa millefolium*) [10, II, с. 218]. Во многих двухсловных названиях существительное характеризует особенности строения растения, а эпитет – свойство: *белый татарник* (для *Echinops sphaerocephalus*) [10, II, с. 231] – существительное (используемое для выражения как бы отрицательной оценки, ср. *татарин* ‘чертополох всех видов’ [7, с. 99]) указывает на наличие шипов на листьях растения, прилагательное характеризует окраску цветков растения; *вороний ствол*, *собачий ствол* (для *Angelica*) [10, XLI, с. 101] – существительное указывает на наличие у растений дудчатых стеблей, а прилагательные скорее всего здесь объясняются сильным характерным запахом дудника [6, с. 248].

Русские литературные названия

Определенная часть фитонимов, закрепившихся в русском литературном языке, представляет собой заимствования и кальки латинских номенклатурных названий (посредством русской ботанической номенклатуры). Латинская ботаническая номенклатура намного древнее русской и могла оказать влияние на формирование соответствующей русской номенклатуры: проявления подобного влияния – процесс заимствования и калькирования названий [14, с. 306–307]. Соответственно в таких фитонимах прослеживаются те же характеристики растений, что и в латинских названиях: *адонис* [11, I, с. 56] – заимствование латинского родового названия [1, с. 23]; *тысячелистник* [11, XV, с. 1202] – наименование похоже на семантическую и словообразовательную кальку латинского видового названия *millefolium* [14, с. 301]. Кроме того, в русской ботанической номенклатуре у некоторых из заимствованных наименований появилось синонимичное русское название со своей этимологией, например, у фитонима *адонис* – *горицвет* [14,

с. 306]. Такие названия также могут закрепляться в литературном языке: *горицве́т* [11, III, с. 293]. Данное наименование представляет собой суффиксально-сложное существительное с опорной основой существительного, называющего часть растения, и первой основой глагола. Название связано с тем, что начало цветения растения приходится на раннюю весну, когда раскрытые цветки яркого лимонного цвета как бы горят на фоне прошлогодней жухлой травы на степных склонах [13, с. 17–18]. Наконец, в литературном языке имеются фитонимы, пришедшие из диалектов: *ка́шика* (народное название некоторых растений с цветками, собранными в соцветия в виде головки, особенно клевера) [11, V, с. 895].

Заклучение

Таким образом, выделим некоторые особенности мотивации рассмотренных фитонимов. Следует отметить, что в основу многих номенклатурных названий растений (родовых и видовых), а также русских диалектных наименований (однословных и существительных – компонентов двухсловных), было положено сравнение этих растений с различными объектами окружающего мира (реального и нереального). При этом представлены как лексические, так и семантические дериваты названий данных объектов (*Antennaria*, *Aster*, *Adōnis*, *dioīca*, *sphaerocephālus*, *копы́тник*, *ко́локол*, *ка́шика*). В тех случаях, когда название того или иного растения возникло по причине его сходства с другим растением, то в латинской номенклатуре это название представляет собой дериват наименования другого растения, поскольку в научной терминологии следует избегать омонимии (*Alliaria*); в диалектах же может быть представлен не только дериват, но и метафора (*зверобо́й*). Некоторые латинские видовые эпитеты являются производными от названий морфологических структур растений, тем самым указывая на особенность данных структур либо их наличие (*petiolāta*, *umbellāta*). В диалектах русского языка с целью выделения каких-либо характеристик отдельных органов растений создаются номинации-существительные, мотивированные названиями этих органов (*листу́га*, *листу́ха*, *листву́шка*, *ство́льник*), в том числе имеет место и частный случай метонимии – синекдоха (*ствол*). Некоторые сложные научные родовые и видовые наименования имеют опорную основу существительного, называющего структуру растения, а первую основу прилагательного, характеризующего эту структуру (*Oligospōrus*, *glycyphyllos*). В ряде случаев встречаются похожие народные названия: суффиксально-сложные существительные, имеющие первую основу числительного или прилагательного (*пятидесяти́ли́стка*, *столи́стник*, *сорокали́стник* и как вариант – *стоты́сячник*; *белоголо́вка*, *белоце́тка*, *синеголо́вник*). В научной номенклатуре в качестве видовых эпитетов для различных характеристик могут употребляться имеющиеся в латинском языке прилагательные (*sanguineum*). Аналогичным образом среди двухсловных диалектных фитонимов встречаются наименования, в которых известные в русском литературном языке прилагательные указывают на морфологический признак растений, причем иногда для характеристики запаха растений используются прилагательные, являющиеся дериватами наименований животных (*колю́чая трава*, *паху́чая трава*, *бе́лый татарник*, *вороний ствол*, *собачий ствол*). В ряде двухсловных народных названий существительное и прилагательное характеризуют одну и ту же особенность растения и как бы дополняют друг друга (*гуси́ная лапа* (*лапка*), *гуси́ные лапки*, *свины́е языки*, *мохнатые бара́шки*). Существенным отличием научных номенклатурных названий от некоторых народных двухсловных номинаций является то, что латинские родовые наименования всегда включают в себе какую-либо характеристику растения, в то время как в диалектах часто основным компонентом словосочетания выступает существительное *трава*, которое только указывает на принадлежность к травянистым растениям.

В силу того, что обычно русские литературные названия того или иного растения немногочисленны по сравнению с народными, соответственно литературные наименования не отличаются разнообразием при отображении в них морфологического признака растений. Пути проникновения фитонимов в литературный язык определяют тенденцию, связанную с повторением в литературных названиях некоторых мотивировочных признаков растений, послуживших основой их номенклатурных (латинских и русских) и народных наименований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булыко, А.Н. Современный словарь иностранных слов / А.Н. Булыко. – М. : Мартин, 2004. – 848 с.
2. Всемирная энциклопедия : Биология / Гл. ред. М.В. Адамчик; гл. науч. ред. В.В. Адамчик. – Минск : Современный литератор, 2004. – 832 с.
3. Дворецкий, И.Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / И.Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. 2.
4. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – М. : Рус. яз., 1996. – 846 с.
5. Кирпичников, М.Э. Русско-латинский словарь для ботаников / М.Э. Кирпичников, Н.Н. Забинкова ; под ред. Я.М. Боровского. – Л. : Наука, 1977. – 854 с.
6. Лекарственные растения : Самая полная энциклопедия / А.Ф. Лебеда [и др.]. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. – 912 с.
7. Меркулова, В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды / В.А. Меркулова. – М. : Наука, 1967. – 259 с.
8. Прохоров, В.П. Ботаническая латынь : учеб. для студ. биол. и пед. фак. высш. учеб. заведений / В.П. Прохоров. – М. : Академия, 2004. – 272 с.
9. Русская грамматика : в 2 т. / редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1982. – Т. 1. – 784 с.
10. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24–41). – М.; Л.; СПб. : Наука, 1965–2007.
11. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
12. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П.Я. Черных. – М. : Рус. яз., 2002. – Т. 1. – 624 с.
13. Чухно, Т. Большая энциклопедия лекарственных растений / Т. Чухно. – М. : Эксмо, 2007. – 1024 с.
14. Шиканова, Т.А. Из опыта сравнения латинской и русской ботанических номенклатур / Т.А. Шиканова // Язык медицины : Всерос. межвуз. сб. науч. трудов. – Самара : ООО «ИПК «Содружество»; ГОУВПО «СамГМУ», 2007. – Вып. 2. – С. 298–307.
15. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.
16. Chantraine, P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque / P. Chantraine. – Т. I–IV. – Paris : Klincksieck, 1968–1980.

Kuznetsova E.L. On Motivation of Names of Herbaceous Medicinal Plants

Similarities and differences of the motivation of Latin nomenclatural, Russian dialectal and Russian literary names of herbaceous medicinal plants have been showed.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 12.02.2011